

Современное состояние и перспективы российской криминологии

Гишинский Я.И.

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается состояние современной российской криминологии как этапа ее развития. Отмечаются достижения и существенные недостатки в развитии современной отечественной криминологической мысли. Прогнозируются возможные ее перспективы.

Ключевые слова: криминология, этапы развития российской криминологии, состояние постсоветской криминологии, ее перспективы.

There are many criminologies
and many criminologists.
Ray Michalovskj

Оценить состояние и перспективы развития науки, в том числе криминологии, в той или иной стране можно, лишь проследив ее прошлое и сравнив с состоянием и перспективами мировой науки. С этого кратко и начнем.

Немного истории

История отечественной криминологии в соответствии с общественно-политическими условиями, влияющими на ее развитие, может быть условно разделена на несколько периодов:

- 1) от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г. («царский период»);
- 2) с 1917 г. до начала 1930-х гг. (ранний советский период);
- 3) с начала 1960-х до конца 1980-х гг. (поздний советский период);
- 4) с начала 1990-х гг. до наших дней (постсоветский период).

Лакуна с начала 1930-х до начала 1960-х гг. минувшего века образовалась в годы сталинского тоталитарного режима, когда какие бы то ни было труды в области криминологии оказались невозможны.

Развитие российской криминологии до 1917 г. характеризуется наличием всех трех основных направлений позитивистской криминологии: биологического (антропологического) — труды Д.А. Дриля, В.Ф. Чижа, С.Н. Данилло и др.; психологического (прежде всего — Л.И. Петражицкий); и социологического (М.Н. Гернет, И.Я. Фойницкий, Х.М. Чарыхов, Е.Н. Тарновский, А.А. Жижиленко и др.). При этом господствующим был социологический подход, включая многофакторный.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. М.Н. Гернет, М.В. Духовской, А.А. Жижиленко, И.Я. Фойницкий, а также А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни¹. Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

В ранний советский период еще продолжают основными тенденции развития отечественной криминологии. Активно разрабатывается социологическое направление, проводятся эмпирические исследования. По инициативе М.Н. Гернета в 1918 г. создается отдел «моральной статистики» в Центральном статистическом управлении (ЦСУ). Развивается отечественная пенитенциарная криминология (М.Н. Гернет, Е.Г. Ширвиндт, А.Я. Эстрин и др.). Постепенно все большее внимание уделяется изучению «личности преступника», ибо, согласно политической доктрине, в социалистическом обществе не может быть социальных причин преступности. Большую роль в такого рода исследованиях сыграли кабинеты по изучению преступника и преступности. Первый из кабинетов был создан в 1918 г. в Петрограде. В Москве в 1925 г. был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами.

Сталинский режим привел de facto к запрету криминологии, наряду с социологией, генетикой, кибернетикой и другими «буржуазными лженауками». Многие ученые оказались в ГУЛАГе.

С хрущевской «оттепели» начинается постепенное возрождение криминологии. Поздний советский период характеризуется, с одной сто-

¹ См.: Смертная казнь: За и против. М., 1989.

роны, активизацией криминологических исследований. Первые шаги — книги А.Б. Сахарова, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Н.Ф. Кузнецовой, А.М. Яковлева; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания курса криминологии в МГУ и ЛГУ (1964). Под руководством А.Б. Сахарова в 1970-е гг. проводится первое крупномасштабное (на базе двух областей России — Орловской и Кемеровской) эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности. Совершенствуется методология и методика эмпирических исследований (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, С.Е. Вицин, А.В. Добрынин, Г.И. Забрянский и др.).

В Москве на базе ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР проходят криминологические семинары под руководством А.Б. Сахарова, а позднее — А.И. Долговой.

С 1987 г. начинает функционировать ежегодный Балтийский криминологический семинар, объединивший криминологов Латвии, Литвы, России, Эстонии, который затем проходит поочередно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде (Санкт-Петербурге). Позднее, с начала 1990-х гг., в этих семинарах принимают участие криминологи других стран — Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Канады, Норвегии, Польши, США, Франции, Чехии.

С другой стороны, все еще сохраняется сильный идеологический пресс. Уголовная статистика «закрыта», писать о социальных причинах преступности в социалистическом обществе не рекомендуется. Результаты эмпирических исследований если и публикуются, то с грифами «секретно» или, в лучшем случае, «для служебного пользования» (ДСП).

Нередко приходилось «хитрить»: публиковать результаты исследования в Эстонии, где цензура была мягче, чем в РСФСР; результаты одного и того же исследования публиковать «дублировано» в разных изданиях (две цифры в Эстонии, две — в Иркутске, одну — в Ленинграде).

Постсоветский период, с моей точки зрения, включает два этапа.

Первый — с начала 1990-х до середины 2000-х гг.

Второй — с середины 2000-х гг. до настоящего времени. Остановимся на этом подробнее, так как постсоветский период определяет состояние современной российской криминологии и в то же время именно тогда закладываются основы ее дальнейшего развития (прогресса / регресса).

Состояние современной российской криминологии

Первый этап отличается бурным развитием криминологии. С конца 1980-х — начала 1990-х гг., благодаря «горбачевской перестройке», впервые

за много лет появилась возможность свободно, без оглядки на «партию и правительство», без цензурных ограничений проводить исследования, публиковать их результаты, отстаивать собственную научную позицию. «Перестройка» сняла все пути, мешавшие развитию науки.

Во-первых, появился доступ к уголовной статистике. В 1990 и 1991 гг. выходят первые статистические сборники «Преступность и правонарушения в СССР» со статданными по каждой республике и в целом по СССР начиная с 1961 г. И эти сборники можно было купить в обычных книжных магазинах! В 1992 г. появляется первый статистический сборник «Преступность и правонарушения». С тех пор эти ежегодные сборники можно было получить, направив запрос в ГИЦ МВД РФ, или «достать по знакомству». Забегая вперед — ко второму этапу постсоветского периода, следует с горечью заметить, что после 2008 г. достать подобный сборник стало невозможно. Да и издаются ли они? Снова возвращаемся к «секретным» публикациям?

Во-вторых, стало возможным проводить полноценные эмпирические криминологические исследования, в том числе компаративистские, с зарубежными партнерами. Назову только некоторые из них (исследования), известных мне. Да простят меня те коллеги, чьи исследования прошли мимо меня.

В 1991 г. выходят из печати материалы комплексных исследований преступности в Эстонии² и Ленинграде³.

Г.И. Забрянский (Москва) проводит серию фундаментальных эмпирических исследований преступности несовершеннолетних, результаты которых отражены в ряде монографий⁴.

Петербургские ученые (В. Афанасьев, Я. Гилинский) принимают участие в многолетнем международном сравнительном исследовании преступности и других девиантных проявлений в странах Балтийского региона. Результаты изложены в серии публикаций⁵.

² Leps A. Kuritegevus Eestis. Tartu: Ülikool, 1991 (на эстонском, английском и русском языках).

³ Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л., 1991.

⁴ Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997; Он же. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М., 2000; Он же. Криминология несовершеннолетних. М., 2013; Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 г. Аналитический обзор. М., 2000.

⁵ Social Problems around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication № 21, 1992; Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication № 28, 1994; Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication № 35, 1998; Public Opinion on Social Problems. A Survey around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication № 36, 1998; Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. Helsinki: NAD Publication № 37, 2000.

В начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по заданию ГУВД было организовано комплексное эмпирическое исследование тяжких насильственных преступлений (Ю. Аврутин, Б. Волженкин, Я. Гишинский и др.) с анализом статистики, изучением материалов уголовных дел, опросом осужденных за исследуемые преступления и психологическим тестированием этих осужденных. Результаты лишь частично публиковались в ведомственных изданиях.

В Санкт-Петербурге на протяжении ряда лет проводились эмпирические исследования организованной преступности. При этом исследователи (Я. Гишинский, Я. Костюковский и др.) брали многочисленные интервью у сотрудников бывшего Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП), Управления собственной безопасности (УСБ), бизнесменов и членов преступных группировок, «перепроверяя» полученные данные из различных источников. Результаты исследования публиковались в отечественных и зарубежных изданиях⁶.

Серия исследований организованной преступности, коррупции, экономических преступлений осуществлялась под руководством профессоров А.И. Долговой (Москва), Н.А. Лопашенко (Саратов), В.А. Номоконова (Владивосток), А.Л. Репецкой (Иркутск).

Большое эмпирическое исследование наркопотребления и наркопреступности было проведено в Татарстане под руководством профессора Ю.Ю. Комлева⁷.

В 2004–2005 гг. в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, Коми Республика, Чита) осуществлялось сравнительное эмпирическое исследование пыток в правоохранительных органах. При этом опрашивалось население названных регионов, заключенные в колониях, эксперты. Результаты исследования (К. Белоусов, Я. Гишинский, В. Гольберт, Я. Костюковский, Э. Кочетков и др.) были опубликованы⁸.

Фундаментальное исследование латентной преступности за 2001–2009 гг. проведено под руководством профессора С.М. Иншакова (Москва)⁹.

⁶ Гишинский Я. Криминологии: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002; 2-е изд.: СПб., 2009; 3-е изд. СПб., 2014, а также: Gilinskiy Y. Organized Crime: A Perspective from Russia. In: Albanese J., Das D., Verma A. (Eds.) Organized Crime: World Perspectives. Prentice Hall, 2003. P. 146–164; Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4. P. 181–202; и др.

⁷ Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань, 2005; Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотики в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань, 2003.

⁸ Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н.Новгород, 2007.

⁹ Латентная преступность в Российской Федерации. 2001–2006 / ред. С.М. Иншаков. М., 2007; Теоретические

В-третьих, российские криминологи начали принимать участие в международных конференциях и конгрессах и приглашать зарубежных коллег на российские встречи. Так, с 2001 г. в различных европейских странах проходят ежегодные конференции Европейского общества криминологов. На всех прошедших четырнадцати конференциях выступали российские ученые (Гишинский Я.И., Гуринская А.Л., Петровский А.В., Салагаев А.Л. и др.). Участвовали отечественные криминологи и в работе мировых криминологических конгрессов (Сеул, Рио-де-Жанейро, Барселона, Кобе).

В свою очередь, в работе международных конференций, организованных в России, принимали участие коллеги из стран Европы, США, Японии. Это относится и к Балтийским криминологическим семинарам/конференциям, и к конференциям на территории России по итогам совместных исследований (организованной преступности, наркопотребления, деятельности милиции/полиции), и к иным международным конференциям, проводимым в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Владимире, Иркутске, Саратове.

При тесном сотрудничестве с российскими криминологами зарубежные коллеги изучали российскую организованную преступность, наркотрафик, публикуя результаты исследований¹⁰.

В-четвертых, на основе анализа статистики, результатов эмпирических исследований, знакомства с зарубежными работами отечественные криминологи создают фундаментальные труды, отражающие достижения отечественной криминологии¹¹.

На *втором этапе*, с середины двухтысячных годов, наблюдается накопление трудностей в развитии отечественной криминологии.

основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М., 2011.

¹⁰ Например: Bäckman J. The Inflation of Crime in Russia. Helsinki, 1998; Biss C. Alkoholkonsum und Trunkenheitsdelikte in Russland mit vergleichenden Bezügen zu Deutschland. Hamburg, 2006; Laskowska K. Rosyjskojezyczna przestepczosc zorganizowana. Bialystok, 2006; Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. Freiburg i. Br., 2001; Siegmunt O. Krimenelle Russen, krimenelle Deutsche. Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Berlin, 2013. Во всех перечисленных трудах выражается благодарность российским коллегам за участие и помощь в проведении исследований.

¹¹ Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003; Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М., 2013; Квашиш В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008; Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. М., 2002; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009; Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2-х т. М., 2011; Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005; Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008; Яковлев А.М. Социология преступности (Криминология). Основы общей теории. М., 2001, и многие другие. Автор льстит себя надеждой, что и его «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (издания 2002, 2009, 2014 гг.) может занять место в этом перечне.

Как уже отмечалось, отсутствуют публикуемые и доступные достаточно полные статистические сведения о преступности, ее видах в разрезе российских регионов, о жертвах преступлений и т.п., хотя бы в рамках ранее известных статистических сборников «Преступность и правонарушения». Без полных и доступных данных уголовной статистики принципиально невозможен криминологический анализ и прогноз изменений преступности и ее видов. Парадоксально, но статистика преступности зарубежных стран намного доступнее и полнее российской¹².

Существенно затруднено проведение эмпирических криминологических исследований. Отсутствуют заказ, финансирование, достаточное количество квалифицированных кадров, коллективов, имеющих опыт проведения таких исследований. Следует подчеркнуть, что отсутствие бюджетного финансирования в вузах и институтах РАН и отток молодых талантливых специалистов теснейшим образом взаимосвязаны. Возможны ведомственные исследования, но их результаты малоизвестны или не известны криминологическому сообществу. Между тем свыше 90% всех докладов иностранных коллег на международных конференциях и конгрессах основаны на анализе результатов национальных или международных эмпирических исследований. Без них невозможно проверить, подтвердить или опровергнуть те или иные теоретические положения.

Резко сократилось участие российских криминологов в зарубежных конференциях и конгрессах, а также участие иностранных коллег на российских конференциях. И это не удивительно, так как прекращено (за редким исключением) бюджетное финансирование зарубежных научных поездок российских ученых. Значительно реже, чем раньше, иностранные коллеги приглашаются на конференции в Россию. Что касается грантовой поддержки, то ее возможности также минимизированы после изгнания из России Фонда Сореса, резкого сокращения возможностей Фонда Маккартуров и Фонда Форда, да и отечественных фондов.

Практически отсутствуют и компаративистские исследования, проводимые совместно с иностранными коллегами. Между тем изоляционизм противопоставлен любой науке.

Конечно, научная деятельность в области криминологии не прекратилась, но она ограничивается в основном написанием статей, учебников, монографий и преподавательской деятельностью. Отечественная криминология, бурно развивавшаяся в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг., начинает существенно отставать в своем развитии.

Наука в обществе постмодерна

Для осознания современной ситуации с наукой надо понять, что мы живем в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности — в *обществе постмодерна*. Это плохо осознается (или совсем не осознается) большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, — это не понимается правителями, властями (и не только российскими).

У нас появились неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; побеседовать в скайпе с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись «на весь свет» в Интернете) и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения — *омницида*. *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков* (вспомним У. Бека).

Отметим лишь те особенности общества постмодерна, которые важны для нашей темы.

Глобализация всего и вся — финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Соответственно, происходит глобализация преступности (прежде всего — организованной). Как результат массовой миграции неизбежен «конфликт культур»¹³ и цивилизаций со всеми вытекающими криминогенными последствиями.

Это требует «глобализации» науки, в том числе криминологии. Если вообще любая наука интернациональна, то тем более необходимо объединение усилий криминологов разных стран в сравнительном изучении как «национальной» преступности, так и международной (торговля наркотиками, торговля людьми, торговля органами, торговля оружием, терроризм, киберпреступность и др.). Изоляционизм смертельно опасен для любой науки.

«Виртуализация» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем в реальном и киберпространстве. Без интернета, «мобильников», смартфонов и прочих ИТ не мыслится существование. Происходит глобализация виртуализации и виртуализация глобализации. Как одно из следствий этого — киберпреступность и кибердевиантность. Есть основание предполагать, что снижение уровня преступности и большинства ее видов во всем современном мире является следствием, во-первых, «ухода» основного субъекта уличной преступности (street crime) — подростков и молодежи — в Интернет и, во-вторых, «замещения», «вытеснения» традиционной преступности высоко латентной и мало изученной киберпреступностью¹⁴.

¹² Например: Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki, 2010; Home Office Statistical Bulletin. London, 2013; Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2012. Wiesbaden, 2013.

¹³ Селлин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. М., 1966. С. 282–287.

¹⁴ См. об этом: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб., 2014. С. 69–72.

Релятивизм/агностицизм. История человечества и история науки приводят к отказу от возможности постижения «окончательной истины». Очевидна *относительность* любого знания (включая криминологическое). Как известно, «есть много истин, нет Истины». Подтверждается «принцип дополнительности» Н. Бора. Господствует *полипарадигмальность*. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»¹⁵. Бессмысленна попытка «установления истины по делу» (уголовному, в частности). «Сама «наука», будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала»¹⁶.

Это не означает отказа от познания своего предмета, но предостерегает от поиска и утверждения «единственно верной» теории, от «зацикленности» на уже известном. Это означает необходимость освоения достижений мировой криминологии, современных теоретических построений и эмпирическую проверку различных отечественных и зарубежных концепций и моделей.

Консьюмеризация сознания и жизнедеятельности приводит к «гуманизации преступности» (В.В. Лунеев), преобладанию корыстной преступности, как «уличной» (кражи, грабежи, разбои), так и «беловоротничковой» (экономической, должностной, коррупционной), в общем объеме преступлений. Это общемировая тенденция. В России, например, доля преступлений против собственности увеличилась с 43,4 % в 1987 г. до 65,8 % в 2006 г. «Общество потребления» характеризуется и некриминальными, но негативными способами обогащения — от проституции до «теневой экономики». При этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и неформальной экономической деятельностью практически невозможно¹⁷.

Вообще *фрагментаризация* общества постмодерна, сопутствующая процессам глобализации, а также взаимопроникновение культур приводят к определенному размыванию границ между «нормой» и «не-нормой», к эластичности этих границ. И это должно входить в предметную область криминологии. Новые поколения эпохи постмодерна весьма скептически относятся ко многим запретам, «придуманным» старшими поколениями, живущими в новом обществе. Конфликт поколений — дело не новое. Но стремительные как никогда социальные, экономические, политические, культурные изменения порождают воистину небывалый в истории человечества разрыв между поколениями. Стоящие у власти представители

старших поколений пытаются подчас все новыми и новыми запретами (уголовными, административными, дисциплинарными) сохранить свои представления о мире и обществе, что явно неприемлемо для новых поколений. Вообще, с точки зрения автора этих строк, запреты нередко служат существенным криминогенным (девиантогенным) фактором¹⁸.

Неэффективность (более того, *минусовая*, отрицательная эффективность) наказания хорошо известна. «Кризис наказания» вполне осознан в эпоху постмодерна¹⁹. В частности, «известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит», чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»²⁰. Да, пока не обойтись. Но стремиться к этому нужно. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»²¹.

В этом отношении весьма креативна мысль «культуральной криминологии» о том, что не только *преступность есть порождение культуры* данного общества, но и *средства, методы социального контроля* над ней²². Поэтому, очевидно, есть тюрьмы Норвегии, Швеции, Финляндии и колонии России; смертная казнь отменена в европейских странах, но сохраняется в США, и ежегодно тысячами казнят в Китае.

Мировая криминология ломает голову над тем, как минимизировать негативные для общества последствия наказания. 35–45 % всех докладов на мировых криминологических конференциях и конгрессах посвящены проблеме наказания как одному из способов противодействия преступности. Российской криминологии следует активно подключиться к решению этой головоломки.

¹⁸ Гишинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302–311.

¹⁹ Обзор в: Гишинский Я. Криминология (2014). С. 404–410.

²⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 339.

²¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009. С. 9, 15, 18, 56, 68.

²² Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003; Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. Routledge, 2000.

¹⁵ Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб., 2009. С. 20.

¹⁶ Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб., 2002. С. 25.

¹⁷ См.: Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория — анализ — модели. М., 2008.

Перспективы российской криминологии

Предпринятый краткий анализ истории и настоящего российской криминологии позволяет сделать два противоречивых вывода.

С одной стороны, отечественная криминология имеет необходимую теоретическую и кадровую базу дальнейшего развития. При всех сложностях современного этапа подготовки квалифицированных кадров через систему магистратуры и аспирантуры, при отсутствии материальной заинтересованности молодых специалистов самореализоваться в научной деятельности (степень материальной обеспеченности профессуры служит не лучшим наглядным примером), есть молодые криминологи, проявляющие неплохие задатки и качества настоящего ученого.

С другой стороны, резкое de facto ограничение номенклатуры публикуемой уголовной статистики; резкое de facto ограничение взаимодействия отечественных и зарубежных исследователей; финансовая, материальная непривлекательность труда ученого-криминолога для молодых исследователей при неизбежном старении высококвалифицированных криминологов старших поколений; политика изоляционизма, противоречащая всем требованиям современного общества, общества постмодерна, — приводят к постепенному, но весьма существенному отставанию российской криминологии от велений времени, от мейнстрима мировой криминологической мысли.

Список литературы:

1. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л., 1991.
2. Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3.
3. Гилинский Я. Криминологии: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002.
4. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб., 2014.
5. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009.
7. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997.
8. Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М., 2013.
9. Кваши В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008.
10. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань, 2005.
11. Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань, 2003.
12. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. М., 2002.
13. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
14. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009.
15. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. М., 2011.
16. Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.
17. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008.
18. Селлин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. М., 1966.
19. Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб., 2002.
20. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория — анализ — модели. М., 2008.
21. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999.
22. Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб., 2009.
23. Яковлев А.М. Социология преступности (Криминология). Основы общей теории. М., 2001.
24. Bäckman J. The Inflation of Crime in Russia. Helsinki, 1998.
25. Biss C. Alkoholkonsum und Trunkenheitsdelikte in Russland mit vergleichenden Bezügen zu Deutschland. Hamburg, 2006.
26. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008.
27. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003.
28. Gilinskiy Y. Organized Crime: A Perspective from Russia. In: Albanese J., Das D., Verma A. (Eds.) Organized Crime: World Perspectives. Prentice Hall, 2003.
29. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki, 2010.
30. Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea Helsinki: NAD Publication № 35, 1998.
31. Laskowska K. Rosyjskojezyczna przestepczosc zorganizowana. Bialystok: Femida 2, 2006.
32. Leps A. Kuritegevus Eestis. Tartu: Ülikool, 1991 (на эстонском, английском и русском языках).
33. Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. Freiburg i. Br., 2001.
34. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2012. Wiesbaden, 2013.
35. Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. Routledge, 2000.
36. Siegmunt O. Krimenelle Russen, krimenelle Deutsche. Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Berlin, 2013.

Current State and Prospects of Russian Criminology

Gilinsky J.I.

Doctor of law, professor, head of department of criminal law
of the Russian State Pedagogical University A.I. Herzen,
professor of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy
of the Prosecutor General of the Russian Federation
E-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Abstract. *The article discusses the state of contemporary Russian criminology as stage of its development. The achievements and significant shortcomings in the development of modern national criminological thought. Projection of the likely prospects.*

Keywords: *criminology; stages of development of the Russian criminology; status post-Soviet criminology, prospects.*